

Одиночество и масса: парадокс массовой культуры

Т. Р. РАШИДОВА

(МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ)*

В статье предпринята попытка дать философско-культурологический анализ проблемы одиночества как парадокса массовой культуры. В связи с этим автор, опираясь на наследие Х. Ортеги-и-Гассета, Э. Фромма и учитывая мнение современных исследователей, рассматривает следующие понятия: масса, человек массы, потребность потребления, массовая культура.

Ключевые слова: одиночество, масса, массовая культура, человек массы, Х. Ортега-и-Гассет, Э. Фромм.

Loneliness and Mass: the Paradox of Mass Culture

T. R. RASHIDOVA

(MOSCOW UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES)

This article attempts to give a philosophical and culturological analysis of the problem of loneliness as the paradox of mass culture. Therefore, the author, relying on the legacy of J. Ortega y Gasset and E. Fromm and taking views of the modern scholars into consideration, examines the following concepts: mass, mass man, the need for consumption, mass culture.

Keywords: loneliness, mass, mass culture, mass man, J. Ortega y Gasset, E. Fromm.

Еще в начале прошлого столетия Х. Ортега-и-Гассет провозгласил «жестокую реальность наших дней»: «Сегодня весь мир становится массой». Эта фраза стала поистине пророческой в наши дни. Ей близка позиция Э. Фромма: «Что может быть очевиднее того факта, что люди готовы рисковать своей жизнью, отказываться от любви, отказываться от свободы, жертвовать своими собственными мыслями ради того, чтобы быть «в стаде» (Фромм, 2001: 62).

Но что же такое «масса»? Кто это: людская толпа или ею может быть и один человек? Для того чтобы ответить на этот вопрос, не требуется наблюдений за многочисленными группами, достаточно одного-единственного человека. Для Ортеги-и-Гассета масса — это каждый, «кто ни в добре, ни в зле не мерит себя собой мерой, а ощущает таким же, «как и все» (Ортега-и-Гассет, 1991b: 310). Человек массы не настроен на развитие своего внутреннего мира, не имеет интереса к развитию личностной неповторимости, он охвачен стихией подражания. При этом совер-

шенно не ощущает себя бездарным или урядным. Напротив, он вполне доволен собственной стандартностью и похожестью на других. Ведь порой это единственный шанс, дающий право на существование.

Образ жизни человека массы очень схож с тем, который ведет герой рассказа Гийома Аполлинера «Исчезновение Оноре Сюбрака». Он сравнивает себя с бабочкой, которая похожа на цветы; с хамелеоном, меняющим свою окраску; с насекомыми, подобными листьям; с полярным зайцем, имеющим окраску ледяных равнин. Ведь добрая мать Природа побеспокоилась о своих слабых и незащищенных детях, подарив им способность сливаться со всем окружающим. «...я, трусливый и чувствующий себя неспособным защищаться в борьбе, похож на них... я сливаюсь с окружающей средой» (Аполлинер, 2001: 68).

Однако что же побуждает людей тиражировать свою личность, убивать свое живое, многокрасочное «я»? Живя в «новом сценическом пространстве», человек увлекается погоней за социальными благами, пытается

* Рашидова Тамила Ризвановна — аспирантка кафедры философии, культурологии и политологии Московского гуманитарного университета. Тел.: (495) 374-55-11. Эл. адрес: tamila24@list.ru

максимально утолить все свои житейские запросы. Сегодня перед человеком нет никаких запретов и ограничений, совсем наоборот, современный «мир потребления» не престанно берedit его аппетиты. Ортега-и-Гассет подчеркивал, что прежде всего жизнь представляется для «массы» материально доступной во всех отношениях.

В настоящее время для сохранения своей индивидуальности человеку требуется гораздо больше усилий. Когда-то на смену человеку создающему пришел новый человек — человек разумный. По мнению многих исследователей, именно благодаря тому, что человек стал «создающим», он превратился в «разумного». Сегодня из «разумного» человек превращается в «потребляющего». Последний много производит, но это производство является лишь средством для большего потребления. Человеческая потребность в потреблении получает отрицательную окраску, поскольку становится необходимостью. В итоге человек становится всеядным, что именно становится объектом потребления — уже не важно, важна сама установка на это потребление. Главная индивидуальная черта нового человека — способность обладать определенным стандартным набором вещей. Материальное довлеет над духовным, главное новое священное право человека — потреблять, новый идол — вещь. Ведь вещь — это символ статуса, она является творцом «я» своего обладателя, именно она выделяет его среди толпы. Вернее, создает иллюзию индивидуальности, поскольку на самом деле фиксирует неоспоримую принадлежность к «толпе потребителей».

К тому же в конечном итоге все то, что человек производит и создает для облегчения своей жизни, оборачивается против него самого. Человек становится рабом собственного производства, потому что оно превосходит его предел усвоения, переполняет его жизнь. Теперь вместо того, чтобы потреблять и производить ради жизни, человек вынужден будет жить ради того, чтобы потреблять и производить. Однако сами «предме-

ты» производства не «плохи». Они становятся таковыми тогда, когда люди цепляются за них, когда они превращаются в оковы для внутренней свободы, в преграду для развития и самовыражения, мешают человеку в «полной мере быть», когда «меня и мою индивидуальность создает моя собственность» (Фромм, 1998: 259). Получается, что цивилизация, которая вывела человека из первобытной пещеры, вторгает его теперь в потребительские «вещевые джунгли».

Современный человек становится заложником моды и шаблона, которые диктуют определенные роли поведения, социальные установки, формируют материальные потребности. Это явление провоцируется также телевидением, средствами массовой информации. Повсюду иллюстрируется «звездная жизнь» артистов, музыкантов, которая завораживая внешним лоском и гламуром, поглощает личность своей эфемерностью и вызывает желание подражания. Получается, что человек массы «...обречен представлять собой другого, то есть не быть ни собой ни другим» (Ортега-и-Гассет, 1991b: 335). В результате жизнь его теряет свою подлинность и превращается в фальшивую поддельную иллюзию, он всего лишь играет в жизнь, причем не по своим правилам. «Никогда еще не носилось по ветру столько жизней, невесомых и беспочвенных — выдернутых из своей судьбы — и так легко увлекаемых любым, самым жалким течением» (Ортега-и-Гассет, 1991b: 340). Подобное конвейерное производство социальных стереотипов, таких как привычки, обычаи, вкусы, оценки, формы поведения и восприятия, приводит к тому, что у людей размываются черты индивидуальных различий. Примечательно, что очень часто все это происходит под завуалированными лозунгами, которые призывают человека «подчеркнуть свою индивидуальность», льстиво утверждая, что он «этого достоин». Однако и «индивидуальность», и то, чего он «достоин», «человек массы» выбирает не в результате своих личных устремлений, а под воздействием навязанных ему толпой псев-

до-ценностей. Под давлением вездесущей силы масс человек начинает действовать так, как «действуют», судить о чем-либо не соотносительно своим собственным представлениям о сути явления, а исходя из соображения «если говорят, значит, это действительно так». Эта ситуация очень четко обозначена в книге И. М. Ильинского: «Наше бытие, все сущее есть смешение истины и лжи. Они намертво связаны между собой, и обыденное сознание обычно не в состоянии различить истину и ложь. Обыватель отождествляет бытие-ложь с истинно существующим бытием, ибо не знает и не понимает, что это такое, каким оно может быть» (Ильинский, 2007: 13).

Следует сказать также о том, что «человек массы» не столько стандартен, сколько физически инертен, в силу этого он социально безответствен, равнодушен. Ведь масса — это те, кто лишен ориентиров в жизни, кто слабостью плывет по течению. Это равнодушные является самой большой бедой для человека. Поскольку именно оно превращает его в «фортепианную клавишу», подчиненную возмущениям внешней среды, неспособную самостоятельно решить, что для нее есть хорошо и что есть плохо, и соответственно неспособную осуществить активный и осознанный выбор между ними. Но на самом-то деле «жить — это быть вечно осужденным на свободу, вечно решать, чем ты станешь в этом мире» (Ортега-и-Гассет, 1991b: 312). Следовательно, человек равнодушный в состоянии принять только одно решение — не решать самостоятельно, решит масса.

«Массы надвигаются!» — апокалиптически восклицал Гегель (Ортега-и-Гассет, 1991b: 316). Думается, что Кант по этому поводу заявил бы о нарушении категорического императива. Нельзя не согласиться с отечественным автором, который призывает нас вспомнить о том, что «каждый человек есть составная часть этого мира. Лишь осознавая и максимально учитывая многообразные формы нашей взаимосвязи с миром в целом и природой в частности, мы смо-

жем идти дальше в своем самопознании и самосовершенствовании» (Воскобойников, 1997: 161).

Не подлежит сомнению тот факт, что каждый человек переживает свою личностную неповторимость глубоко внутренне, однако его формирование и реализация возможны только совместно с другими людьми. В каждой ситуации человек может действовать сознательно, целенаправленно, выбирая различные возможности поведения, обладая способностью оценки этих возможностей. Основой этого действия является переданный культурой опыт всего человечества и индивидуальный, неповторимый личный опыт отдельного человека. Обретение внутреннего единства, сопричастность каждого к поступкам и намерениям другого — это одна из главных задач человека на пути к самосовершенствованию и самопостижению. Именно это является индивидуальной особенностью бытия человека. Осознание человеком именно этой особенности отличает его от остальных созданий природы.

Не является ли именно изолированность индивидов проявлением парадокса массовой культуры? На этот вопрос можно ответить, разобравшись с самим определением массовой культуры.

Ортега-и-Гассет не признавал наличие культуры у массового человека. Он с горечью говорил об утрате нравственности, без которой все рассуждения о культуре тщетны и пусты. Причем утратой этой человек масс «щеголяет» словно «ширпотребом». «Культурой он не обзавелся» (Ортега-и-Гассет, 1991b: 323), поскольку ведет себя как одичавший варвар, который ни с кем не считается, блюдет исключительно собственные интересы, «в массу вдохнули силу и спесь современного прогресса, но забыли о духе» (Ортега-и-Гассет, 1991b: 314). Результатом подобного одичания становятся разъединение и вражда. Вместо того чтобы стать шагом вперед, прогресс превратился в бессмысленный, напряженный скачок к варварству.

Современные исследователи, рассматривая массовую культуру как адаптационный

феномен, дают ей следующее определение: «...тип взаимодействия со средой... где основной функцией личности становится не активное воздействие на среду, а приспособление к ее особенностям» (Костина, 2004: 59). При этом они отмечают, что рассмотрение адаптационного фактора массовой культуры особенно важно. Разве в массе, которая добивается полной нейтрализации, полного растворения личности, происходит объединение человека с человеком? Стоит ли считать безграничное общение, интенсивно поглощающее всю внутреннюю духовную жизнь человека единственной альтернативой одиночеству? Ведь если под общением подразумевается лишь обмен информацией, не сопровождающийся ее интимным для человека смысловым значением, то такое общение ни в какой степени не противостоит одиночеству и даже совсем наоборот — порождает его. Ведь то общение, при котором теряется естественная ограниченность, индивидуальность, глубина, эмоциональная окрашенность, легко превращается в тирана личности. Очень часто случается так, что «личность не освобождается от своего одиночества, заключая союз с собратьями по жизни; оно остается при ней» (Бубер, 1993: 152). Получается, что «масса», которая «не видит человека», — это преграда, установленная человеком на пути к самому себе. Человек старается заглушить в себе осознание своей изолированности, однако рано или поздно она заявляет о себе и разрушает иллюзию массового единства.

К тому же разве похожие, «такие же, как и все» люди становятся ближе друг к другу, разве не ведет их «одинаковость» к разрыву, разделению на отдельные единицы, никаким образом не связанные между собой, по сути, безразличные друг другу, рассматривающие друг друга, как враждебные элементы. Находясь в окружении людей, человек испытывает мучительное чувство одиночества, которое «подрезает крылья» его творческим потенциалам, мешает успешной самореализации. При этом люди совершенно забывают

о том, что «жизнь — со-жительство, со-существование» (Ортега-и-Гассет, 1991a: 80), в котором один человек должен придавать силы другому, питать и поддерживать его. Ведь единства скорее можно достигнуть благодаря тем признакам, которыми один человек обладает, а другой — нет. Человеческая история богата именно благодаря различиям индивидуальностей. Если все люди превратятся в одно лицо, в один характер, будут ли они друг другу интересны и нужны? Это будет попросту удвоенное одиночество, которое с течением времени умножится на гораздо более высокий порядок. Многообразие различий, способствующее интеграции в единое целое, укрепляет единство более прочно, чем единообразие безликих людских масс. Восприятие и поощрение разнообразия индивидуальностей дарит возможность значимого, эмоционально окрашенного контакта между людьми и является противоядием от разрастающегося одиночества. Гранение на личности — одно из самых главных богатств человечества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аполлинер, Г. (2001) Исчезновение Онопора Сюбрака // Проза поэта. М. : Вагриус.
- Бубер, М. (1993) Я и Ты. М. : Высшая школа.
- Воскобойников, А. Э. (1997) Бессознательное и сознательное в человеке. Монография. М. : Институт молодежи.
- Ильинский, И. М. (2007) Асимметричный человек. М. : Изд-во МосГУ.
- Костина, А. В. (2004) Массовая культура как феномен постиндустриального общества. М. : УРСС.
- Ортега-и-Гассет, Х. (1991a) Адам в раю // Эстетика. Философия. Культура. М. : Искусство.
- Ортега-и-Гассет, Х. (1991b) Восстание масс // Эстетика. Философия. Культура. М. : Искусство.
- Фромм, Э. (1998) Иметь или быть? Киев : Изд-во «Ника-Центр».
- Фромм, Э. (2001) Искусство любить. СПб. : Изд-во «Азбука».